

ОМОНИМИЯ: СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

С.А. Кишин

*Аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной
коммуникации
e-mail: steingauf@yandex.ru*

Курский государственный университет

Статья посвящена сущности проблемы омонимии как языкового знака. Рассматривается связь омонимов с другими языковыми явлениями.

***Ключевые слова:** омонимы, языковой знак, полисемия, аббревиация, тропы, эвфемизмы.*

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю (далее ЛЭС), омонимия – «(от греч. *μονυμία* – одноимённость) в языкознании – звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом» [ЛЭС 1990]. В лингвистике сложились два подхода к пониманию этого явления. По выражению А.А. Реформатского, «омонимы во всех случаях – это досадное неразличение того, что должно различаться» [Реформатский 1996: 51]. Ученый считает, что омонимия – это процесс случайной конвергенции слов, от которой язык стремится избавиться. Сходной позиции придерживаются А.Н. Гвоздев, Н.П. Колесников, Е.Б. Никифорова, Ш. Бали, Ж. Жильерон. О.С. Ахманова считает, что омонимия не представляет собой патологию языка [Ахманова 1957: 5]. Эту позицию разделяют В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Н.Д. Голев.

Проблемность в изучении омонимии, её роли в языке вызвана тесной связью с другими языковыми явлениями: полисемия, эвфемия, паронимия, аббревиация, тропы. Недостаточность изучения этой связи позволяет сформулировать проблему омонимии как языкового знака.

Вопросы разграничения **полисемии** и омонимии до сих пор признаются дискуссионными [Головня 2007: 10–11]. В качестве базового признака разделения этих понятий ещё в ходе «Дискуссии по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого Совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР» называли отсутствие общих этимологических корней [Дискуссия 1960]. Это мнение поддержали В.И. Абаев [там же: 75–76], И.Е. Аничков [там же: 69], К.П. Авдеев [там же: 83], В.Н. Сидоров [там же: 80].

Некоторые учёные выступали против абсолютизации этимологического признака: В.М. Жирмунский, Л.Л. Кутина, А.А. Реформатский, Ю.С. Сорокин, А.К. Тимофеев, Ф.П. Филин [там же: 66-92]. Вместе с тем указывалось, что границей должно являться чёткое различие в значениях омонимичных единиц, когда единицы X и Y действительно являются 2-мя словами с разными значениями. Б.А. Ильиш отмечает, что нельзя «навязывать языку отношения, которые были в прошлом, рассматривать язык сквозь призму прошлых столетий» [там же: 92]. Примерами спорного статуса омонимии и полисемии служат слова «боевик» ('террорист' и 'жанр фильма'), «кремовый» (в словосочетаниях 'кремовый пиджак' и 'кремовый пиджак'), etc.

Распад полисемии – один из самых продуктивных путей нарастания омонимов. Так, термин «конвергенция» изначально был биологическим и обозначал сближение признаков у нескольких биологических родов. Появившись в лингвистике, этот термин приобрёл значение «сближения или совпадения лингвистических сущностей» [ЛЭС 1990]. Таким образом, возникает вопрос: термин «конвергенция» прошёл этап полисемизации или омонимизации?

Необходимо учитывать, что лексема «конвергенция», обозначающая определённые явления в ряде наук, имеет дело с разными типами научного сознания, разными типами мышления (если мы говорим о различиях между гуманитарным и естественнонаучным знанием), разными предметными областями и научными связями. «Конвергенция» в биологии не имеет ничего общего с «конвергенцией» в лингвистике по предмету и кругу смежных понятий. С позиции лексикографии невозможно установить, какое из определений первично, а какое – вторично. Подобное ранжирование необходимо при составлении лексикографической статьи, если мы признаём данное слово полисемным. С другой стороны, разделение «конвергенции» на отдельные словарные статьи поднимает проблему бесконечной множественности терминологических дефиниций: как множества научных дисциплин, так и множества внутри дисциплинарных определений. Впрочем, на подобное замечание уже давался ответ. Х. Касарес считал необходимым «включать как можно шире научные термины... включать их в масштабах, о которых до сих пор и не мечтали» [Касарес 1958: 300]. Впрочем, существуют и более компромиссные мнения.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают термины греческого происхождения. С крушением античного мира произошёл сдвиг фундаментальной метафизической позиции: базовые термины греческого универсума – космос, гармония, etc – приобрели другие значения, изменился сам язык тогдашней науки, произошло «переименование» окружающего мира. Считая термины полисемичными для разных отраслей науки, справедливо возводить дериваты к

эллинистической терминологии или античной? Что считать исходным значением, лёгшим в основу современных представлений в той или иной науке? На наш взгляд, эта дивергенция базовых смыслов позволяет нам «расщепить» термины и дать им статус отдельных слов (X и Y, а не X1, X2).

В круге смежных с омонимией явлений находится явление **эвфемии**. Эвфемизмы, на основе «народной этимологии» и близкого звучания, являются одним из способов приращения омонимов в языке. В основе этого процесса различные способы репрезентации индивидуального опыта носителей языка. В словотворчестве проявляется стремление зафиксировать в индивидуальном лексиконе явления, ставшие близкими в контексте. Чем же объясняется стремление носителей языка создавать новые слова, не прибегая к оформлению новой звуковой оболочки? В данном случае целесообразно говорить об эвфемизации жаргонных и сленговых выражений. Заменяя абсценные или арготические морфемы (чаще всего корень), носитель языка продуцирует новое слово, заменяющее жаргонное, звучащее для общества абсценно не маркированным, и – как следствие – наблюдается конвергенция с уже существующей звуковой формой другого слова на основе созвучия. Так, обозначение пушного зверька «песец» давно стало в языке эвфемизмом 'неприятной ситуации'. На основе созвучия возник эвфемизм «хурма», как эвфемизация абсценного «чепуха». Название плода стало также эвфемизмом профессионального арготизма, обозначающего в бухгалтерском деле программное обеспечение «УРМ» (аббревиатура «удалённое рабочее место»).

Ещё одна сторона словотворчества – это явление **аббревиации**. Создание аббревиатур подчас целенаправленно преследует омонимизацию лексем. А.Т. Липатов указывает на явление «омоакранимизации», когда «аббревиатуры при их создании сознательно подгоняются под узуальные лексические единицы, становясь таким образом “запланированными омонимами”» [Липатов 1990: 36–37]. Например, СИРЕНА – система резервирования билетов на авиалиниях. «Жизнеспособность» и даже «оправданность» омонимии отмечает О.М. Соколов [Соколов 2009: 89]. Подобная связь, которая закладывается на уровне ассоциативной паутины, позволяет аббревиатуре «прижиться» в языке. И в данном случае референтная функция слова не растворяется в омофонии двух слов, а позволяет образно соотнести аббревиатуру с неким явлением действительности.

Другой стороной появления омонимических конструкций является омонимизация **паронимов**. Паронимия – «явление частичного звукового сходства слов (паронимов) при их семантическом различии (полном или частичном)» [ЛЭС 1990]. В силу внешних (шум, нечёткое произношение) и внутренних факторов (особенности восприятия реципиента, уровень

образования), такие слова могут восприниматься носителем языка как омонимы. А.А. Залевская отмечает, что «слова могут восприниматься целиком, т.е. как гештальты, что может быть объяснено хранящимися в памяти перцептивными эталонами слов. При отсутствии таких эталонов начинает превалировать стратегия поэлементного восприятия, ибо подключаются иные перцептивные базы, где в качестве эталонов выступают морфемы, слоги, звуки» [Залевская 2005: 304]. Таким образом, омонимизация паронимов может происходить при недостаточной работе каналов восприятия, которые не улавливают разницы между словами и в индивидуальном лексиконе не маркируется семантическая разница.

Особо необходимо отметить восприятие научных терминов в ненаучной среде. В данном случае паронимы функционируют как омофоны (понимаются нами в данном случае как производная часть омонимов). Уместнее даже подобные слова называть вслед за Н.Д. Голевым «омофонодиграфы» [Голев 1999: 94]: слова, имеющие для реципиента одинаковое звучание в данном коммуникативном акте, но имеющие значительные отличия в написании. Понятия «трансцендентный» и «трансцендентальный», «комплиментарный» и «комплементарный», могут восприниматься как омонимы, в то время как специалисты распознают различия. Это позволяет сделать вывод о том, что важную роль в распознавании омонимов и паронимов играет словоупотребительный опыт человека, широта его словарного запаса и соотнесённость единиц ментального лексикона со смежными понятиями и явлениями.

Здесь же мы можем уловить связь омонимов (омофонов, в первую очередь) с теорией **проксиматики**, разрабатываемой С.В. Лебедевой [Лебедева 2006], поскольку паронимы функционируют как омонимы в ситуации здесь и сейчас и для конкретного индивида (нерегулярная омонимия). Таким образом, можно предположить, что через словотворчество и через объяснение механизмов создания нерегулярных омонимов возможно объяснение способности индивида к распознаванию контекстуального кластера значения омонима и снятия самой омонимии, избегая трансформации звуковой и/или графической оболочки слова.

Ещё один элемент связи омонимов с другими явлениями языка – стилистические фигуры речи – **тропы**. Здесь необходимо отметить два важных момента. Во-первых, выход на синтагматический и синтаксический уровни языка. А.И. Головня пишет: «Давно уже не является дискуссионным утверждение о том, что омонимия может существовать на любых уровнях языка», – называя при этом имена И.В. Вардуля, Ш. Балли, С. Ульмана и Ю.С. Маслова [Головня 2007: 10]. Во-вторых, при изучении иностранных языков и понимании стилистических фигур (в том числе изучение русского языка как

иностранного) обнаруживается выход на проблему функционирования омонимов.

Идиоматические конструкции и тропы – **метафоры, эпитеты, фразеологизмы** – важные источники амбисемиотического функционирования речевых конструкций. Вместе с пониманием художественным, которое носитель языка в силу процессов инкультурации и социализации считывает с текста (выход с синтаксического на метасинтаксический – текстовый – уровень), остаётся буквальное понимание той или иной стилистической фигуры, которое базово будет считано представителем иной культуры, e.g.: «железные нервы», «заяц» (о безбилетном пассажире), «глаз-алмаз», «стоял мороз», «пела капель». В последнем примере мы также имеем дело и с «омографодисемией» [Голев 1999: 94]: слово фиксирует одинаковую графическую форму, но может быть считано как капель (весеннее таяние) и капель (род.п., мн.ч. от «капля»).

Обзорное рассмотрение проблемы омонимии как языкового знака в его связи с другими явлениями, с одной стороны, демонстрирует объёмы исследуемого явления, а с другой – пути решения проблемы. Омонимия затрагивает не только все уровни языка – от фонетического до текстового, но и связывает далёкие, на первый взгляд, языковые явления. Эта связь проявляется в способности паронимов, эвфемизмов, тропов, аббревиатур функционировать в качестве омонимов. Очевидно, что проблема омонимии как языкового знака не может быть решена с точки зрения описательного языкознания. На наш взгляд, нельзя рассматривать явление омонимии в отрыве от носителей языка, их опыта, индивидуальных особенностей, которые определяют особенности омонимии как языкового знака. Очевидно, функциональный инструментарий исследования омонимии можно обнаружить с помощью когнитивного направления лингвистики и, в частности, психолингвистики. На наш взгляд, практические исследования в области психолингвистики способны объяснить, каким образом носитель языка снимает омонимию, не прибегая к изменению оболочки слова, каким образом происходит механизм распознавания омонимов, каким образом в ментальном лексиконе организуется хранение омонимичных единиц.

Библиографический список

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957. – 295 с.

Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 1. Общие вопросы. Лексические омофоны и омографы // Известия АлтГУ. – 1999. – №4. – С. 94–100.

Головня А.И. Омонимия как системная категория языка: монография. – Мн.: БГУ, 2007. – 132 с.

Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. – 1960. – Вып. 4. – С. 35–92.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию / пер. с испан. Н.Д. Арутюновой; ред., предисл. и примеч. Г.В. Степанова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 354 с.

Лебедева С.В. Проксиматика: вопросы теории // Актуальные проблемы современного иноязычного образования: сб. науч. ст. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. – 130 с.

Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с. – Доступно по URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения 22.02.2015).

Липатов А.Т. Семантические аспекты проявления русской омонимии на разных языковых уровнях: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – М., 1990. – 45 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике / отв. ред. С.О. Соколова. – Нежин: ТОВ «Гідромакс», 2009. – 332 с.